

Суфле со щепоткой цианистого калия

Культура — 1997. — 12 июня — с. 15

Пласидо Доминго

Вальтрауд Майер

Итак, объявленная в "Метрополитен-опера" новая постановка оперы Ж.Бизе "Кармен" в режиссуре Лилианы Кавани, о чем мы писали в номере "Культуры" от 26 октября 1996 года, не состоялась. Перед публикой предстала "Кармен", режиссером и художником которой выступил Франко Дзеффирелли. Наши любители оперы имели возможность послушать ее 12 апреля по Радио России. Предоставим слово непосредственным свидетелям этого зрелища.

К сожалению, за деньги нельзя купить все, например, хороший вечер в опере. Если следовать принципу "чем больше, тем лучше", то Франко Дзеффирелли является лучшим оперным режиссером в мире. Никто никогда не обвинял режиссера в отсутствии вкуса, но когда он в форме, то знает, как поставить хороший спектакль. В новой постановке Дзеффирелли все в избытке — роскошные декорации, сотни исполнителей, множество интересных деталей.

Диагноз спектаклю поставить трудно. То он — воплощение здоровья, то ведет себя, как тяжелобольной: полная беспомощность, отсутствие логики. Первый акт — это театр для глаз: люди в ярких костюмах, пейзаж — все залито солнечным светом; дома Севильи сквозь легкую дымку испанского послеполуденного зноя; лошади и собаки среди пестрой толпы гуляющих. Почему же тогда эпизоды, предшествующие первому появлению Кармен, так затянуты? Как могут знаменитые хабанера и сегидилья промелькнуть, как незаметные пустячки? Сцена в мрачной таверне Лилас-Пастья на время выводит эту "Кармен" из обморока — благодаря великолепному хору и знаменитому квинтету.

Возможно, публика ждет слишком многого от этой оперы, образы которой живы в воображении каждого. Надо полагать, что "Мет", проникшись ожиданиями публики, смотрела далеко, расширяя границы "интернационализма" в постановке. Итальянский режиссер, американский дирижер, исполнители главных партий из Германии, Испании, России

и Румынии собраны, чтобы продемонстрировать торжество иберийской культуры, прославленной французским композитором. Однако в этой своеобразной Организации Объединенных Наций некоторые зрители чувствуют себя неуютно.

Вызывает недоумение, когда вдруг из ансамбля выпадает Кармен. Из-за низкой позиции звука исключительной силы голос Вальтрауд Майер звучит резко в верхнем регистре и тускло в нижнем. Певица лишь приблизилась к роли. Она как бы разобрала ее на части. Ее Кармен — это собрание холодно рассчитанных деталей, а не целостный образ. Она выглядит и действует, как кокетка, или кокетка, что едва ли возможно в этой опере. Этой красавице чуждо бурное проявление страсти, она неспособна воспламенить одновременно четыре тысячи зрителей. Нет, это не Кармен.

Неубедительна не только главная героиня. "Дает осечку" и Эскамильо Сергея Лейферкуса, этого элегантного и властного тореадора. Закрытый звук, некоторая "заземленность" движений не позволяют певцу даже приблизиться к образу Эскамильо.

Еще хуже Анжела Георгиу, она просто неуместна в партии Микаэлы. У певицы не сфокусированный, вибрирующий звук, она нелепо сплетает длинные фразы, которые порой просто не доходят до слушателей.

Зато Хозе — Пласидо Доминго — это проявление утонченного вкуса, чувственной красоты. Певец обладает невероятным талантом изображения на сцене героев, доведенных до отчаяния, людей, находящихся во власти страстной

любви. Но и он "обжегся" на "арии о цветке".

Все вторые роли сделаны убедительно. Мэри Данлеви и Кристин Джонсон — великолепные Фраскита и Мерседес, а исполненный ими совместно с Кимом Джосефсоном и Тони Стивенсоном квартет звучит зажигательно-весело, он полон юмора. Безрассудство, которому они дают волю, как дуновение живого ветерка в этой странной постановке; они показали, какой "веселой" может быть "Кармен".

В этом им помог дирижер Джеймс Ливайн, задавший опере быстрый темп, с которым еле справляется хор: контрабандисты и горожане едва успевают выговаривать французские слова. Тем не менее хор сделал многое, чтобы объединить эпизоды этой постановки.

В игре оркестра обнаружились странные вещи. Пассаж фугато в конце первого акта исполнен в духе официозного неоклассицизма Стравинского, а прелюдия флейты и арфы в третьем акте — некая парящая салонная музыка, нечаянно заблудившаяся в горах. Это не чувственная "Кармен" — ни с оркестровой, ни с вокальной точкой зрения.

Результаты, на наш взгляд, оказались плачевными. Публика так и не увидела настоящую Кармен — ту, о которой рассказывает утонченная и правдивая музыка Бизе. В "Мет" изысканная, трагическая опера превратилась в легкое суфле со щепоткой цианистого калия.

По материалам американской прессы подготовила Ася БУРДО